

№ 19. му.

1860 года.

Е Н И С Е Й С К І Я

ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

День рожденія у древнихъ Римлянъ. Статья князя Н. Кострова.

День рожденія у древнихъ Римлянъ.

Наслаждайтесь временемъ: все старѣется скоро. Одного времени года довольно, что бы козленокъ сдѣлался козломъ.

Изъ греческой антологіи.

Греческій поэтъ Архій, нѣкоторыя эпиграммы котораго сохранились въ антологіи, между прочимъ, рассказываетъ въ одной эпиграммѣ, что Фракіицы его времени оплакивали новорожденныхъ, только что вышедшихъ изъ чрева матери и, напротивъ, говорили, что блаженны покидающіе жизнь и повинующіеся вѣлѣніямъ смерти, этой неутомимой поспѣвательницы. Архій хвалилъ ихъ за это, потому что новорожденнымъ, дѣйствительно, угрожаютъ въ жизни всѣ возможные тревоженія, между тѣмъ, какъ мертвые, напротивъ того, находятъ въ смерти исцѣленіе отъ всѣхъ бѣдствій.

Кто не скажетъ, что мысль эта и поэтически прекрасна и логически вѣрна? Но кто, съ другой

стороны, не пойметъ, что она могла выработаться только подъ извѣстнымъ вліяніемъ философіи? Если мысль эта и составляла убѣжденіе кого либо въ древнемъ греко-римскомъ мірѣ, то развѣ самаго ограниченнаго числа аскетовъ.—Живущему такъ свойственно любить все живое, что въ большинствѣ народа подобное убѣжденіе не могло найти никогда мѣста.

У Римлянъ, о которыхъ мы предполагаемъ говорить теперь, новорожденный всегда считался радостнымъ, давно ожидаемымъ гостемъ. По случаю рожденія младенца, въ семействѣ прекращался трауръ, если онъ былъ; домъ сей-часъ же украшался снаружи цвѣтами, и знакомые родители наперерывъ спѣшили поздравить ихъ съ приращеніемъ семейства. Авлъ Геллій весьма серьезно рассказываетъ, что у Римлянъ даже нѣсколько разъ былъ возбуждаемъ вопросъ о томъ, что если ребенокъ родился ночью, въ третьемъ, четвертомъ, или другомъ какомъ часу, то какой день должно считать днемъ его рожденія,—предшествовавшій ли ночи, въ которую онъ родился, или слѣдующій за ней. Какъ разрѣшилъ этотъ



вопросъ Маркъ-Варронъ— до нашего предмета не относится; но слова Авла Геллія уже достаточно показывают, какими почетомъ пользовался день рожденія у древнихъ Римлянъ и это даетъ намъ поводъ поговорить о тѣхъ торжествахъ, которыми онъ у нихъ сопровождался.

По замѣчанію Дезабри, день рожденія у Римлянъ былъ однимъ изъ увлекательныхъ праздниковъ, установленныхъ для того, чтобы сколько возможно болѣе сблизить узы дружбы, любви и родства, составляющихъ прелесть и наслажденіе жизни. Такой же характеръ очевидно носятъ праздники Сатурналій и Январскихъ Календъ; но день рожденія, хотя простой частный праздникъ, едва ли не болѣе достигалъ вышеозначенной цѣли. Два упомянутые выше праздника были годовыми, между тѣмъ, какъ день рожденія возобновлялся постоянно и въ продолженіи года столько разъ повторялся въ известномъ семействѣ, сколько оно считало у себя членовъ.

День рожденія у Римлянъ начинался поклоненіемъ домашнимъ божествамъ. Съ ранняго утра, новорожденный надѣвалъ бѣлую одежду, тщательно наряжался и шелъ молиться своимъ богамъ Ларамъ, а преимущественно своему Генію. На это божество, охраняющее его судьбу, онъ возмѣвалъ драгоценные ароматы; возлагалъ на его голову и шло вѣнки изъ цвѣтовъ; предлагалъ ему сырые пироги (*liba*) съ обозначеніемъ на нихъ времени своего рожденія; клалъ тутъ же соты меда; сожигалъ на его алтарь, увѣнчаннымъ цвѣтами, различныя благовонія; воздѣлывалъ вино на священный огонь и сопровождалъ все это приношенія мольбами о своемъ здоровьи, долгоденствіи, счастливой старости, словомъ, обо всемъ, что составляетъ счастье человека.

Всякая кровавая жертва въ этотъ день устранилась. У древнихъ Римлянъ былъ обычай не обливать рукъ кровью, когда они приносили свою годовую дань Генію. Новорожденный считалъ необходимымъ, чтобы въ тотъ день, въ который онъ узналъ жизнь, ни одно существо не сожалѣло о жизни.

Подобно тому, какъ въ Январскіе Календы, въ день рожденія родные, друзья, кліенты и патроны посылали другъ другу подарки. Они зависли отъ щедрости дарителей, равно отъ положенія

и пола лица, которому предлагались. Охотникъ посылалъ новорожденному зайца или другую дичь; сельскій хозяинъ козленка, рыбакъ рыбу; кто побогаче серебрянныя кубки и дорогія одежды; поэты произведенія своей музы. Меценатъ въ день рожденія Августа всегда дарилъ его кубкомъ.

Чего нельзя употребить во зло? Прекрасный обычай дарить что нибудь новорожденному на память также употребляли во зло и въ древнемъ Римѣ. Находились люди, которые, изъ корыстныхъ видовъ, рождались по нѣскольку разъ въ годъ. Конечно, они были на перечетъ извѣстны въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ, а потому, вмѣсто подарковъ, получали иногда посланія въ стихахъ и прозѣ. Одному такому любителю часто рождался, какому-то Клитъ, поэтъ Марціалъ, въпрямую, вмѣсто подарка, послалъ слѣдующую эпиграмму:

Къ Клитъ.

«Чтобъ выпросить подарокъ, Клитъ, и вынуть его, ты семь разъ родишься въ одинъ годъ. Каждые Календы, за исключеніемъ развѣ трехъ или четырехъ,—дни твоего рожденія! Будь лицо твое глаже обтертыхъ гольшией, разбросанныхъ по берегу; будь твои волосы черныя стѣпны, готовой упасть; превосходи ты нѣжностію цвѣта лица перышко или только что снятое молоко и пусть выпуклость твоихъ грудей будетъ такая же, какъ у двѣушки, недостигшей еще поры замужества...., ты, Клитъ, казѣшься мнѣ уже старикомъ!—Кто повѣритъ, въ самомъ дѣлѣ, что у Пріама или Нестора было столько дней рожденія? Постыдись же наконецъ и перестань грабить. Если ты будешь еще продолжать снѣяться надъ нами и тебѣ будетъ мало родиться одинъ разъ въ годъ, я буду думать, Клитъ, что ты еще не родился!»

Но если къ подобнымъ уловкамъ прибѣгали иногда мужчины,—то къ нимъ еще болѣе прибѣгали женщины. Это обвиненіе касается и благородныхъ римскихъ матроновъ, и женщинъ низшаго класса, извѣстныхъ въ Римѣ подъ именемъ прелестницъ.. Это были, болѣею частію, вольноотпущенницы и иностранки. Обладая умомъ, красотою и образованностію въ той степени, какой не достигали матроны, они увлекали иногда въ свои сѣти самыхъ уважаемыхъ людей и,

перемывать сколько можно чаще своих обожателей, старались обирать их до нитки. В известной комедии Пловта *Asinaria* одна подобная женщина говорит слывущее: «любовник для прелестницы тоже, что рыба— не годится, если не свежъ. Утакого только и есть сокъ и пріятность; какъ хочешь подавай его, сжареннымъ, или на блюде; верочай его, какъ угодно. Такой только охотно даритъ и даже требуетъ, чтобы у него просили. Онъ сыплетъ полными горстями, не зная, сколько даетъ, сколько тратитъ. У него только и заботы, чтобы угодить своей милой, угодить мнѣ, угодить моей горничной, угодить слугамъ, угодить также служанкамъ; даже собачкѣ моей старается лъстить новый любовникъ, чтобы она, какъ только завидитъ, радовалась ему.» День рожденія для такихъ женщинъ былъ, конечно, самымъ удобнымъ случаемъ выманить что нибудь отъ обожателя. Овидій, предсказывая волокитамъ объ этомъ неизбежномъ бѣдствіи, между прочимъ говоритъ: «будь до суетврія точенъ въ празднованіе дня рожденія своей подруги; но если она потребуетъ у тебя какого нибудь подарка,—считай этотъ день чернымъ. Напрасно хотѣлъ бы ты избѣжать этого, она сдѣлаетъ это невозможнымъ. Женщина избрала искусство присвоивать богатство своего любовника. Купецъ найдетъ ее всегда готовою купить. Онъ разложитъ передъ тобой свои товары, а она попроситъ тебя взглянуть на нихъ единственно для того, чтобы судить о твоёмъ вкусь. Потомъ поцалуетъ тебя, потомъ попроситъ тебя—купи. Этого, скажетъ, съ нея довольно на цѣлые годы. Теперь ей крайняя необходимость: больше во время сдѣлать ей подарка нельзя. Если скажешь, что у тебя нѣтъ денегъ, попроситъ росписки. Не ужели скажешь, что не умѣешь писать?.. Сколько разъ потомъ, чтобы ободрать тебя и удовлетворить своимъ надобностямъ, она будетъ праздновать день своего рожденія!»

Нѣтъ сомнѣнія, что подарками, посылавшимися въ день рожденія, дорожили. Герой грязнаго романа Петронія *Satiryon* рассказываетъ, что у раба одного изъ дѣйствующихъ лицъ этого романа, Тримакхона, человека очень богатого, украли въ банѣ застольную одежду, которую подарилъ ему одинъ изъ кліентовъ въ день его рожденія. Она была изъ тирскаго пурпура, уже мыта одинъ разъ и счюла, по словамъ раба, не

больше десяти сестерцовъ, следовательно весьма неважной суммы. Однакожъ, не смотря на это, ему угрожало наказаніе плетью и только одно ходатайство гостей избавило его отъ этого. Впрочемъ, бывали случаи, что отъ подарковъ и отказывались. «Я хотѣлъ, Квинтъ, говоритъ Марціалъ въ одной эпиграммѣ, сдѣлать тебѣ маленькій подарокъ для дня твоего рожденія; ты запретилъ мнѣ это. Властительный ты человекъ! Между тѣмъ надо повиноваться. Но пусть же всякій изъ насъ дѣлаетъ какъ хочетъ, и если, что намъ обоимъ прилично, такъ это, Квинтъ, то, чтобы ты мнѣ далъ что нибудь.»

Выше мы замѣтили, что поэты, вмѣсто подарковъ, обыкновенно, посылали въ день рожденія своихъ родныхъ и знакомыхъ произведенія своей музы. Древность оставила намъ два образчика такихъ произведеній, принадлежащихъ двумъ знаменитымъ поэтамъ времени Августа. Первое приписываютъ Тибуллу, который, по предположенію Гейне, написалъ его для Церинѳа, молодого человека, обожателя молодой Сульпиціи,—хотя имя Сульпиціи и не упоминается въ этомъ стихотвореніи; другое написано Проперціемъ на день рожденія его любезной Цинтіи. Постараемся передать здѣсь, какъ умѣемъ, хоть смыслъ этихъ стихотвореній, которыя, по нашему мнѣнію, не блещутъ особенными поэтическими красотою, но заключаютъ въ себѣ много фактовъ, необходимыхъ для нашего предмета.

Вотъ пѣснь Тибуллы:

Въ день рожденія Сульпиціи.

Скажемъ радостныя слова: день рожденія (Сульпиціи) нисходитъ къ жертвенникамъ. Кто бы вы ни были, мужчины или женщины, молчите. Зажжемъ на жертвенникъ благочестивыя благоволенія, зажжемъ ароматы, которые шлетъ намъ изъ своей богатой земли сладострастный Аравитянинъ. Пусть самъ Геній присутствуетъ при воздаваемыхъ ему почестяхъ, украсивъ пышными вѣнками свои священныя волосы; пусть виски его каплютъ чистымъ нардомъ; пусть онъ напьется нашихъ пировъ и напьется до пьяна!

Да будутъ услышаны, Церинфъ, всѣ твои желанія. Ну что же? чего ты ждешь? Онъ услышитъ—проси. Я угадываю, ты просишь вѣрную любовь—жену. Безъ сомнѣнія сами боги услы-

шам уже это. Такое счастье ты предпочитаешь самой обширной землѣ, какую только может обработать неутомимый земледѣлецъ, при помощи крепкаго вола; предпочитаешь всему, что только счастливый Индѣецъ можетъ собрать перлами въ красноватыхъ водахъ восточнаго моря!

Желанія твои исполнены. Видишь ли; какъ на трепещущихъ крыльяхъ подлетаетъ Амуръ и

несетъ тебѣ золотые узы супружества? Да будутъ эти узы цѣлы навсегда, пока поздняя старость не наведетъ морщинъ на лицо твое и не убѣлитъ волосъ. Да увидишь ты этотъ день рожденія уже предкомъ многочисленнаго потомства и да играетъ тогда толпа дѣтей у ногъ твоихъ!

(Окончаніе въ слѣдующемъ №.)

Исправляющій должность редактора Граціанскій.



Печатать дозволяется. Енисейскій Гражданскій Губернаторъ Падалка.

КРАСНОЯРСКЪ.



Е Н И С Е Й С К І Я
Г У Б Е Р Н С К І Я В Ъ Д О М О С Т И .

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

День рожденія у древнихъ Римлянъ. Статья князя Н. Кострова.

День рожденія у древнихъ Римлянъ.

(Окончаніе.)

Вотъ стихотворенія Проперція:

Въ день рожденія Цинтіи.

Я удивился, когда рано, чуть занялась заря, увидѣлъ, что подлѣ моей постели стоятъ Камены. Они дали мнѣ знать, что это для рожденія моей молодой дѣвушки и три счастливыхъ раза ударили въ ладоши. Да пройдетъ этотъ день безъ облачка, утихнутъ въ воздухѣ вѣтры и волна нѣжно слагаетъ гнѣвъ свой на берегъ. Пусть нынѣшній день я никого не увижу скорбящимъ; пусть Ниобя спрячетъ свои слезы подъ самымъ мраморомъ; пусть уста Алкіонъ отдохнутъ отъ произнесенія жалобъ и мать Итиса перестанетъ стенать объ его потерю.

Ты же, о моя милая, родившаяся под счастливым полетом птиц, встань и помолись ждущим тебя справедливым богам. Прежде всего чистой водою прогони свой сон и убри свои блестящие волосы, сжимая их пальцами.

Потом надень одежду, в которой ты впервые
плыла взоры Проперция, не оставя юловы без
цельтов, и проси, сколько можешь, чтобы красо-
та твоя была вьчна и чтобы, поэтому, была
всегда власть твоя надо мною.

Когда ты очистишь благовоніями увѣнчанные
жертвенники и весь домъ заблестаетъ счастли-
вымъ пламенемъ, пусть будетъ рѣчь о столь,
ночь пробѣгаетъ за бокалами и мирровидный
ониксъ услаждаетъ наше обоняніе шафраномъ.
Пусть флейты осипнутъ, сопровождая наши ноч-
ныя пляски, и будутъ соблазнительны твои воль-
ныя рѣчи; пусть прелести пира похитятъ скуч-
ный сонъ и сосѣднія улицы шумятъ общую весе-
лостью.

Отъ перевода послѣднихъ шести стиховъ этой пѣсы мы отказываемся и знакомые съ подлинникомъ, конечно, поймутъ почему.

Празднований свое рожденіе оканчивалъ день
тироль, на который приглашалъ своихъ родныхъ
и друзей. Пиръ этотъ продолжался далеко за
полночь. Въ вечеру домъ снаружи освѣщали, а
на окна ставили лампы, повитыя фіалками.

Чтобы нагляднее показать, что происходило



на подобных пирахъ, передадимъ здѣсь рассказъ Авла Геллія объ одномъ такомъ пирѣ.

Молодой *Азіатецъ*, изъ сословія всадниковъ, веселаго характера, столько же облагодѣтельствованный природою, сколько и счастьемъ, любившій музыку и имѣвшій счастливыя музыкальныя способности, давалъ ужинъ своимъ друзьямъ и учителямъ въ небольшомъ деревенскомъ домикѣ близъ города. Онъ праздновалъ день своего рожденія. На этомъ пирѣ былъ вмѣстѣ съ Авломъ Гелліемъ нѣкто *Антоній Юліанъ*, который содержалъ публичную школу краснорѣчія. По произношенію, его считали испанцемъ. Онъ обладалъ блестящимъ, легкимъ словомъ и глубокимъ знаніемъ древности и древней литературы. Когда блюда и кубки были приняты и уступили мѣсто разговора, онъ изъявилъ желаніе услышать пѣніе молодыхъ людей обоюдо пола и игру ихъ на различныхъ инструментахъ. У хозяина было много такихъ артистовъ. Молодые мальчики и дѣвочки явились и восхитительно пропѣли нѣкоторыя оды *Анакреона*, *Сафо* и небольшія стихотворенія поэтовъ, современныхъ Авлу Геллію. — Всѣ пѣтыя стихотворенія были исполнены прелести и граціи; но ничто столько не восхитило собесѣдниковъ, какъ одна ода *Анакреона*, которой, къ сожалѣнію, мы можемъ передать только одинъ смыслъ. Вотъ содержаніе ея:

«Пусть сладость словъ, и грація, и гармонія улаждаютъ на минуту тягость и безпокойство этихъ длинныхъ бѣднѣй. Ты, обдѣлывающій золото, *Вулканъ*, сдѣлай мнѣ не оружіе (что можетъ быть у меня общаго съ битвами?), но кубокъ—глубокій, глубокий какъ только можешь. Помѣсти вокругъ его не двѣ медвѣдицы или мрачный *Оріонъ* (что мнѣ задѣло до плейды или звѣздъ *Боотеса*?), но виноградную вѣтвь и виноградъ. Пусть *Еротъ* и *Батиллъ*, въ золотомъ рельефѣ, пляшутъ тамъ съ прекраснымъ богомъ вина!»

Послѣ этой оды, мноіе греки, присутствовавшіе на пирѣ, люди любезные и непренебрегавшіе изученіемъ римской литературы, стали подсмѣиваться надъ риторомъ *Юліаномъ*. По ихъ мнѣнію, онъ былъ варваръ, деревенщина, принесъ изъ *Испаніи* только одну декламацию крикуна и бѣшено-ябедническое краснорѣчіе; наконецъ, они говорили, что можетъ онъ сдѣлать съ своими рѣчами на языкъ грубомъ, который не только

не можетъ прельстить, но даже пугаетъ *Венеру* и *Музъ*. Они пристали къ нему, чтобы онъ сказаль свое мнѣніе объ *Анакреонѣ* и поэтахъ его школы, уговаривали его привести хоть одного латинскаго поэта, стихи котораго текли бы такъ сладостно. Они признавали еще отчасти достоинства въ *Катуллѣ* и *Кальвіѣ*, но *Левіи* считали запутаннымъ, *Гортензія* безъ всякой прелести, *Меммія* тяжелымъ; всѣ остальные послаъ нихъ, по ихъ мнѣнію, ничего не написали, кромѣ очерковъ и странностей. *Юліанъ* вступилъ за свой родной языкъ, какъ будтобы за свой жертвенникъ и домашній очагъ. «Я долженъ сознаться, сказаль онъ, что въ роскоши и во всемъ, что развращаетъ, вы превосходите нашихъ корифеевъ? пѣсня, какъ столъ и наряды, имѣютъ у васъ особенную прелесть, но я не согласенъ, чтобы вы смотрѣли на насъ, какъ на людей туныхъ, враговъ граціи. Позвольте мнѣ накрыть голову плащемъ, какъ сдѣлалъ, говорятъ, *Сократъ*, собираясь сказать немножко вольную рѣчь, и узнайте, что наши древніе поэты чудно воспѣвали любовь и *Венеру* прежде поэтовъ, о которыхъ вы говорите.» Тогда, поникнувъ головою, накрытою плащемъ, онъ самымъ сладостнымъ голосомъ пропѣль стихи *Валерія Эдигуды*, древняго поэта, *Порція Луцінія* и *Квинта Катулла*, которые по чистотѣ, легкости и ясности равняются всему тому, что только ни произвела *Греція* и *Италія*. Вотъ стихи *Эдигуды*:

«Напрасно пытаюсь я, *Памфила*, выразить тоску моего сердца. Чего мнѣ просить у тебя? Слова бѣгутъ отъ устъ моихъ. Потъ выступаетъ сквозь грудь мою, пожираемую тихою и пламенною любовью: я дважды умираю.»

Онъ пропѣль другіе стихи тогоже автора, которые не менѣе прелестны первыхъ:

«Зачѣмъ, *Филеросъ*, нести факелъ, въ которомъ намъ нѣтъ надобности? Пойдемъ такъ: пламя моего сердца довольно свѣтитъ. Развѣ свирѣпый порывъ вѣтра или бѣлый сыръ, падающій съ неба, не могутъ погасить факелъ? Напротивъ, этотъ огонь *Венеры* никто не погаситъ, кромѣ самой *Венеры*. Другой власти у нея нѣтъ.»

Потомъ онъ пропѣль стихи *Порція Луцінія*:

«*Пастухи* овецъ и стада пѣжныхъ ягнятъ! вы ищете огня? Идите сюда. Ищете? Вотъ вамъ человекъ весь изъ огня. Если я дотронусь только пальцемъ, то охвачу огнемъ весь лѣсъ, все стадо. Все, что я вижу, — въ пламени.»

Вотъ, наконецъ, стихи Катюлла:

«Душа моя улетѣла: я думаю, по обыкновенію, она у Теотилы. Да, тамъ ея убѣжище. Не запрещалъ ли я ей принимать къ себѣ бѣглицъ, но возвращать назадъ? Пойду искать ее. Но боюсь, не останусь ли я тамъ и самъ? Чтожъ мнѣ дѣлать? Венера посовѣтуй!»

Кромѣ празднованія для своего собственнаго рожденія, у Римлянъ всегда было въ обычаѣ праздновать день рожденія своихъ короткихъ друзей. Горацій, приглашая къ себѣ въ гости Филлиду, послѣднюю свою любовь, какъ онъ выражается, говоритъ: «есть у меня въ подвалѣ кувшинъ албскаго вина, которому уже десятый годъ въ исходѣ; есть въ саду дикая сельдерей для вѣнковъ, Филлида и плющъ съ блестящимъ отливомъ. Въ домъ свѣтъ серебра веселитъ глаза; жертовники окружены цѣломудренной жимолостью. Дѣвушки и юноши бѣгаютъ, взявшись за руки, смѣются и тѣшатся. Огонь, треща въ каминѣ, высоко мечетъ пламя. Знаешь ли, на какой праздникъ я тебя приглашаю? Тебѣ предстоитъ празднованіе идѣ Апрѣля, которыя раздѣляютъ мѣсяцъ, посвященный морской Венерѣ,—день, торжественный для меня и болѣе священный, чѣмъ день собственнаго моего рожденія, потому что съ его свѣтомъ мой Меценатъ считаетъ свои увеличивающіеся годы!» Многие считали необходимыми праздновать не только день рожденія своихъ друзей, но даже людей, чѣмъ либо замѣча-

тельными. Такъ, Плиній и Марціалъ упоминаютъ о празднованіи дня рожденія Вирилія, а Ювеналъ о празднованіи дня рожденія Брута и Кассія.

Два года спустя послѣ смерти Юлія Цезаря, триумфы въ память диктатора установили, чтобы день его рожденія былъ празднованъ цѣлымъ свѣтомъ; чтобы его проводили въ радости и надѣвали на головы лавровые вѣнки. Они предали ипѣву Юпитера и даже самаго Цезаря, причтеннаго также къ лику боговъ, всякаго, кто будетъ противиться этому приказанію и, во избѣжаніе противорѣчій, назначили штрафъ въ миллионъ сестерцевъ, если неисполнившій этого будетъ сенаторъ или сынъ сенатора.

Когда Октавій сдѣлался обладателемъ имперіи, то установлено было праздновать и его день рожденія. Онъ каждый годъ сопровождался играми въ циркѣ. Овидій, будучи уже въ изгнаніи, считалъ все-таки необходимымъ каждый годъ праздновать этотъ день. «Земля Понтійская знаетъ, говоритъ онъ, что я праздную ирами рожденіе нашего бога со всѣмъ великолѣпьемъ, какое только возможно въ этомъ краѣ.»

Послѣ смерти Августа обычай праздновать день рожденія Императора остался во всей своей силѣ. При Тиберіѣ едва ли не вся имперія праздновала день рожденія любимца его Сяна.

Князь Н. Костровъ.

Исправляющій должность редактора Граціанскій.

Печатать дозволяется. Енисейскій Гражданскій Губернаторъ Падалка.

КРАСНОЯРСКЪ.